

ТВОРЧЕСКОЕ «ДОСЬЕ»

ЕВГЕНИЯ ВЕСНИКА

Кинорежиссер Илья Фрез, который создает интересные фильмы как для детей, так и для взрослых, не мыслит своих картин без участия актера Евгения Весника. (Последний фильм И. Фреза — «Чудак из 5-го «Б». До этого были: «Путешественник с багажом», «Я вас любил», «Приключения желтого чемоданчика» и т. д.).

Весник, вероятно, необходим режиссеру как камертон, по которому можно настроить разноголосицу фильма, сплавить органично все противоположные тональности. Хотя приглашает он актера, чаще всего для небольших ролей.

Кинематограф уверил нас, что Евгений Весник преимущественно комедийный актер. Ему свойственна преувеличенная, остро характерная манера исполнения.

Да, уделя Е. Весника — сатира, гротеск. Тем не менее, тот, кто видел в Театре сатиры его Остапа Бендера, ощущал глубокую грусть по несбывшейся личности.

Даже в пасквилянте Бызине (спектакле Малого театра «Самый последний день», показанном минчанам) рикошетом проскользнет нота сиротливости, и мы уловим тот исток, откуда начался духовный распад Бызина.

В актерской судьбе Евгения Яковлевича есть образ по-особому значительный. Я имею в виду Кола Брюньона в одноименном телевизионном спектакле. Роллановский герой — искусный резчик по дереву Кола издавна представлялся как олицетворение той Фрелции, которая славится вольной галльской веселостью. И вдруг появился мудрый, талантливый, щедрый, не способный на лукавство и совсем одинокий Кола. И это при том, что Весник оставался Весником, давая нам возможность улыбаться.

«Я имею себя — это лучшее из всего, у меня есть я, Кола Брюньон», — говаривал старый резчик.

Ну, а что же самое дорогое в творчестве для актера Весника?

— Человеческие идеалы: справедливость, дружба, широта души, честность, — говорит Е. Весник.

Наверное, тут и лежит начало начал большого искусства.

Когда обращаешься к художественной биографии Евгения Яковлевича, удивляет многоликость его натуры.

Он — драматург. Недавно им закончена пьеса «Господа Головлевы» по роману М. Салтыкова-Щедрина. До этого в театрах страны и за рубежом шли его другие инсценировки. Ряд сценариев он написал для телевидения.

Он — автор скетчей для эстрады и сюжетов для сатирического журнала «Фитиль».

Он — режиссер театра и телевидения. Он — мастер совершенно особого искусства, которое называется искусством дубляжа. Он озвучил 300 картин и во многих из них был соавтором режиссера, сценариста, актера. Соавтором с помощью только одного средства — голоса.

— Если хотите, существует грим голоса. Голосом Фабрици я не могу озвучивать Фернандея, а голосом Мастроянни самого себя, — замечает Евгений Яковлевич. — Тонкому человеку, например, нельзя изъясниться профундо, а толстому — фальцетом. Так что необходимо учитывать все эти детали. Любимый актер — Марчелло

Мастроянни. Озвучивать его крайне трудно. Он с помощью минимальных средств создает шедевры актерского искусства. Надо пытаться дотянуться до него. Много хлопот доставил и актер Валенто — вы видели его в фильме «Золотая пуля». Он говорит так (Весник показывает: в голосе смешивается скороговорка слов, шипения, хриплых вздохов). Помню, потерял тогда при дубляже четыре килограмма. А вообще к тем, кто работает в этом виде искусства, часто относятся, как к поденщикам, недооценивают его.

— Евгений Яковлевич, что бы вы ответили на такой вопрос: существует высказывание В. И. Немировича-Данченко, что режиссер должен умереть в актере. А если актер и режиссер — одно и то же лицо?

— Ну, нужна цель, нужны разительные образы, а кто в ком должен умереть, не знаю. Могу сослаться на такой пример. Когда ставился спектакль «Оптимистическая

трагедия», я убедил режиссера поверить моей трактовке Алексея. Я не играл такого парня-рубаху с гармошкой в руках, создавал образ Алексея путем самоограничения. Он слушал, он изучал, примеривался, к кому примкнуть, то есть шел внутренний, актерский процесс. И сразу спектакль приобрел иное звучание.

— А с чего начинается для вас новая роль?

— Не знаю, это какое-то таинство. Роль начинается тогда, когда переходишь с ней на «ты». Например, роль Рабурдена (телеспектакль «Наследники Рабурдена») началась с того, что я увидел пингвина. Он ничего не боялся. Собака пыталась подступить к нему, а он — шлеп-шлеп лапами ее. Для Рабурдена я взял у пингвина и его походку, и его бесстрашную невозмутимость.

— Многих интересует момент импровизации на сцене...

— Импровизация — высшее назначение творчества. Но она может быть тогда, когда роль разучена по нотам. В сегодняшнем спектакле «Украли консула!» у меня было пятнадцать импровизированных деталей. Каждый раз по-иному я играю городничего в «Ревизоре».

— Не мешает импровизация партнерам?

— Талантливым не мешает.

Что можно добавить в творческое и личное «досье» народного артиста РСФСР Евгения Весника?

С Минском у него связаны военные воспоминания. Здесь, в 1944 году, его «догнала» вторая медаль «За отвагу». Тут бывал его отец Яков Ильич Весник, герой гражданской войны, кавалер ордена Ленина и двух орденов Красной Звезды, проявивший себя на военной, дипломатической и хозяйственной службе. Кстати, сведения о нем можно найти в третьем томе Белорусской Советской Энциклопедии.

— На днях Евгений Весник вышел на сцену и произнес знаковую всем реплику:

— Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренебрежительное известие. К нам едет ревизор...

Если вы достали билет на спектакль Малого театра «Ревизор» — вам очень повезло.

А. БОБКОВА.

